

ЛЕКСИЧЕСКИЕ АРХАИЗМЫ ИЗ ДВИНОВАЖЬЯ

В 2002 г. Топонимическая экспедиция Уральского госуниверситета работала в Виноградовском р-не Архангельской обл., на территории так называемого Двиноважья (зоны слияния Ваги и Северной Двины). Настоящие заметки посвящены некоторым зафиксированным словам и выражениям, относящимся к сфере народной духовной культуры, — обозначениям игр, обрядов и верований.

Вороновая сваты

Любопытные факты обнаруживаются в лексике свадебного обряда: «Гордокняжую сватью звали *верхней сватьей, соколиной*. Что ты, я *верхняя сваты!* А ты, *нижняя*, покоряйся мне! *Покоренную* сватью звали *нижней сватьей, вороновой*» (пос. Березник). Данные контексты позволяют рассматривать участников свадебного обряда через систему оппозиций *верхний — нижний, гордокняжий — покоренный, соколиный — вороновый*. Эти оппозиции четко маркируют две группы участников свадьбы: положительно — родственников жениха, отрицательно — невесты. Наиболее интересна здесь оппозиция «птичьих» наименований, которые, с одной стороны, пополняют «птичий код» свадебного обряда, с другой, вносят в него новые штрихи: негативная коннотативная тональность выражения *вороновая сваты* не соответствует положительному окраске других птичьих образов, связанных с невестой (*голубка, лебедушка, утешка* и пр.). Номинации *вороновый* и *соколиный* базируются на различных основаниях. Так, если сокол — это птица, традиционно олицетворяющая мужское начало¹, то ворон (ворона) напрямую с женской символикой не связывается. Возможно, такое наименование, как *вороновый*, возникло во избежание лакуны среди обрядовых терминов, стремящихся к систематизации, чтобы дополнить оппозицию к лексеме *соколиный*, и было продиктовано существующим в народной культуре противопоставлением *ворон (ворона)* — *сокол* (ср. у Даля: *Как ни бодресь ворона, а ей до сокола далеко; Наряд соколий, а походка воронья* [Даль I, 244]). Стремление соотнести образ вороны с женским началом можно увидеть и в следующей лексеме *сорочья (воронья) мать* — о женщине, родившей только дочерей или единственную дочь [СРСГСГГ, 168].

Игра в грехи

Игра в грехи дает новые сведения о семантике греха, помогает установить связь между его первичным и современным «ре-

лигиозным» значениями. Имеющиеся контексты репрезентируют правила игры весьма размыто, практически каждый информант предлагает свою собственную «концепцию» игры, что затрудняет соотнесение греха с какой-либо конкретной игровой реалией (определенным игроком, мячом и т.п.). В сознании носителя диалекта семантика греха имеет синcretический характер, она незаметно переходит с одного объекта на другой:

— Человек пять-десять считают палочки, кому десятая палочка, тот и *парится* [водит], кидает мяч вверх, все его ловят. Кто поймал, тот кидает мяч в ближнего игрока. В кого он попал, тот *грех*, ему снова мяч подкидывать, так в грехи и играли (пос. Березник);

— В грехи играли, человек пять-шесть собирается, выкинут грех, «ваш грех», она выкидывает на другого грех, если поймаешь, кого выбивать (пос. Воронцы);

— В грехи играли: мячик кинешь и выкликаешь кого-нибудь, если он не поймет, то его грех, его *парят* (пос. Березник);

— Бросаешь мячик — ты *имаешь* [ловишь], на том, кто *имал*, грех, он *париться* [водить] будет; он в других кидает; грех игра была (д. Ниж. Ваеняга).

Приведенные контексты показывают, что грех в игре стремится к материализации, к освобождению от абстрактной семантики. С одной стороны, грех оказывается вещью, которую можно подкинуть, поймать, передать от одного к другому, это то, что может удариТЬ человека, внезапно «свалиться на него». С другой — грехом является сам человек, он выступает даже не в качестве носителя греха, а как непосредственное его воплощение.

В данной игре, как нам кажется, проявляется древняя, дохристианская семантика греха — «промах, ошибка»², т.к. грехом часто называется игрок, не сумевший увернуться от мяча, совершивший «огрех».

Синонимическая пара (быть) грехом — *париться* с общим значением «водить в игре» наводит на мысль о том, что некогда «тепловой» компонент был довольно активен в семантике греха, представляя грех как то, что греется, горит, кипит, жжет совесть. Эту идею можно подкрепить такими однокоренными лексемами, как *грешиться* 'гореть (о пожаре)', *грешина* — 'пожар' и др. [СРНГ 7, 138]. Интересно, что в целом для игр оказываются весьма характерны термины с семантикой нагревания, горения, кипения. Ср.: *сгорать* 'проигрывать, лишаться всех набранных очков'; *котел кипит* 'детская игра'; (д. Усть-Ваеняга); «Всяки игры были, кружком ходили, капусту вили, парень идет: «Я горю, горю на камешке...»» (д. Усть-Вага).

Термин грех в игре соотносится с использованием слов *окараться* в значении 'ошибиться, сделать промах', *окара (окарка)* — 'ошибка' в одной из детских игр [СРНГ 23, 110]; см. также зафиксированные в уральских говорах *окара* — 'неудача', *окарать* — 'всё время детской игры не попасть шаровкой в шарик или мяч', *окараться* — 'ошибиться, потерпеть неудачу' [СРСГУ 3, 49]. Это, возможно, свидетельствует о параллелизме развития семантики слов *грех* и *карь*, их первоначальном нерелигиозном значении.

Егорья-то не загусеет...

Некоторые из обнаруженных нами фактов свидетельствуют о сохранении веры в чудодейственные, оздоровляющие свойства воды: «Если ребенка кормить грудью надо, а соски болят, то надо зачерпнуть воду из Двины бидоном против течения и дать, чтоб её заговорили, а потом промыть этой водой грудь» (пос. Хетово).

Целебной считается божья водичка — так в Двиноважье называют дождевую воду: «Святая вода из церкви, её поп освятил. Божью водичку никто не святил, она от бога. Божья водичка по поточнику [желоб для стока воды] бежит. Ребенок испугом заболел — под поточник ставили, божьей водичкой обливали» (пос. Березник); «Поточницей да божьей водичкой называется. По поточникам течёт, так и называется, поточник из доски лотком делается» (д. Городок). Сакральность этой воды можно, с одной стороны, объяснить ее «дождевой» природой — она падает с неба, непосредственно от Бога, приносит плодородие; а с другой — ее «поточностью»³.

Целебной оказывается и вода, набранная в определенное время в реке: «Егорью дедко набрал, ей умывают детей, кто испугается — дак прыснут» (д. Верх. Кица); «Шестого мая егорью брали, на проточную воду ходили, на родник, а утром пили её — целила» (д. Рязановская); «На Егорьев день к двенадцати часам дочь моя Надя с подружкой с флягами пошли к колодцу, начерпали воды, ровно в двенадцать. Егорья вода эта. Сказали: «Мыться, пить, и здоровые будете»» (пос. Славиной); «На Егорьев день мамка дома не давала умываться, на речку гнала, говорила: «Дома умываться нельзя»» (д. Осиново); «Егорью шестого мая набирали в полночь; так-то в полночь нельзя в реке воду брать, вода спит; шестого мая плынет по речке Егорий в золотой лодочке, оставляет за собой след чистой воды, вот егорья-то, егорья-то не загусеет [не испортится], где стоит, не портится» (д. Верх. Кица); «Все купаются. Говорят: «Егорий купался, надо за водой

идти» (пос. Воронцы). Егорья (именно в такой субстантивированной форме данное слово фиксируется чаще всего) — это чудодейственная вода, набранная 6-го мая, в полночь, в реке (т.е. так же, как и божья водичка, являющаяся поточной), по которой проплыл или в которой искупался Егорий. Из многочисленных традиционных атрибутов Егория остается только золото, и при этом добавляется столь несвойственный ему (земледельцу) атрибут, как лодка, что свидетельствует о присвоении ему новой функции покровителя водных источников: «Егорий на лодке освятил всю воду» (д. Прилук).

Митрий и Кузьмодемьян

В календарно-обрядовом цикле сохраняются праздники, которые связаны с культом предков, задабриванием духов-покровителей, — Кузьмодемьян и Митрев день: «Кузьмодемьян был, это когда уж все измолотят. Офицеря кашу варила, сварит да выпружит [выложит] на кару [поднос]: "Кузьмодемьян, пойди к нам кашу есть!"» (д. Нижн. Кица); «В Митрев дены хозяйка идет в овин и митрит: подает тарелку с пирогами в окошечко, а сама говорит: "Митрий Солинский, ешь пироги да овин береги!"» (д. Нижн. Кица). Последний пример демонстрирует обрядовый термин *митритъ*, для которого мотивирующей является целая ситуация, совокупность ритуальных действий.

Утренка

Местная семантика слов *утренка* и *бодренка* отражает сохранившуюся до сих пор веру в магические свойства костей⁴. По представлениям информантов, определенная ко-

сточка петуха (курицы), повешенная на шею, способна разбудить рано утром того, кто ее носит: «Будильника не было, да утренки носили, кто верил. Курицу едят, да утренку подбирали» (д. Верх. Кица); «Куриную косточку возьмут, дырочки провертят, на гойтешек [веревочка, на которой висит крест] повесят, и бодренка».

Соломон

Новым лексическим фактом, ставящим ряд этнолингвистических и этимологических проблем, является лексема *соламон* (др. варианты — *соламончик*, *салабон*, *соламоха*), которая имеет обширную парадигму значений. Весь спектр значений можно разделить на следующие группы:

— «двуличный, скользкий человек»: *соламон* — «Ну, такой соломон он и вашим, и нашим» (пос. Березник); *соламон* ‘проныра’ — «Ну, соломон, всюду заберется» (пос. Березник). Данное значение — единственное из всех приведенных, которое может быть соотнесено с зафиксированными в опубликованных источниках данными, ср.: *подсоламонить* ‘приврати’ — «Я вчера им подсоламонила немножко, когда рассказывала» [СРНГ, 28, 190];

— «болтливый человек»: *салабон* — «Салабон языком чешет»; *соламон* (*соламоха*, *замолока*) — «Соломон, соломоха, замолока — говорит очень много» (д. Нижн. Ваеньга);

— «неумелый, неопытный, неуклюжий человек»: *соламон* ‘нерасторопный человек’ — «Соломоном ругаем, кабыть, соломон — такой нерасторопный человек, не больно

Александра Ил'арionовна Поздеева и Александра Алексеевна Назарова из д. Нижняя Кица. Фото Е.Л. Березович

подвижный» (д. Ниж. Ваеньга); *соломон* (*салабон*) ‘неопытный, неумелый молодой человек; новобранец’ — «В армии первогодка называют салага, а здесь говорят соломон или салабон: в бригаде работают девять человек, пришел молодой паренек, могут так называть» (пос. Воронцы); «Самый слабый в армии — салабон, а сильный — дед»; *соламон* ‘о глуповатом человеке’ — «Ну, как соломон говорит, не понимает, недоразвитый, не скоро понимает» (д. Верх. Ваеньга);

— «озорной ребенок»: *соламон* — «Озорные, наверное; ну, ты соломон, кто созлит» (д. Городок); «Что, соломоны, забегали тут, хватит вам бегать» (д. Верх. Кица);

— «детская игра»: *соламон* ‘детская игра; водящий в детской игре’ — «Ребятишка соломоном играли, ты будешь соломон седни» (д. Верх. Кица); «Соломоном играли, соломона становят в середку, чего-то к им делают» (д. Верх. Кица);

— «конфеты (фантики)»: *соломончик* ‘фантик’ — «Соломончики мы собирали, это оберточки от конфет» (д. Усть-Ваеньга); *соломончик* ‘конфета круглой формы’;

— «круглоицый ребенок»: *соломончик* — «Раньше конфеты были соломончики, вот по этим конфетам детей и называли» (д. Артюшинская).

Чтобы вычленить значение этих лексем, нужно, во-первых, установить (или опровергнуть) их связь с легендарной фигурой царя Соломона, а во-вторых, рассмотреть в контексте таких слов, как *ахламон*, *салага*, *молотъ*, возможно, что их пересечение и дало современную семантику *соламона*. Так, на наш взгляд, при формировании характеристик человека, отражающих его двуличность,

Деревянный подвесной мост через р. Ваеньга. Фото К.В. Пьянковой

Жители д. Верхняя Кица Александр Яковлевич и Ульяна Михайловна Фетины. Фото Е.Л. Березович

болтливость, неумелость, активно принимала участие лексема *Соломон*, репрезентирующая традиционное еврейское имя, а следовательно, и стереотипные представления о поведении (и особенностях внешнего вида) человека данной национальности — его хитрости, изворотливости, болтливости, а также некоторой несуразности. Такой переход еврейского имени собственного в нарицательное довольно типичен (ср. шлётма ‘презрительное прозвище еврея, из еврейско-немецкого *Schlota* ‘Соломон’ [Фасмер, 4, 452], *мойша* ‘еврей’ [БСЖ, 353], *цукерман* ‘еврей’ [БСЖ, 662]). Указанный фактор мог оказывать влияние на формирование значения

‘озорной ребенок’. В то же время в этом случае можно предположить и влияние слова *охламон*. Непосредственно с Соломоном-царем могло быть связано значение ‘детская игра’, так как *саламоном* в данном случае является фигура, стоящая в центре или водящая в игре — в любом случае единичная и выделяющаяся на остальном фоне. Возможно, ‘царская’ семантика сыграла роль и в появлении значений ‘фантик’, ‘конфета’, относящиеся с Соломоном все яркое, красивое, богатое.

Поцелуй покойника

В говорах Виноградовского р-на встречалось несколько лексем и выражений, связанных с поверьями о покойниках. Прежде всего это — запрет лить воду через руку, «наоборот»: «С руки льешь [т.е. через кулак] — на покойника» (д. Трофимовская); «Наоборот льешь — значит, говорят, на покойника, как обмывают покойника» (д. Сорочиха). Возможно, это объясняется устойчивой связью так называемых обратных действий с погребальным обрядом⁵, ср.: «Покойнику все наоборот делать надо: воду лить наоборот, наволочку сшить наоборот, большими стежками» (д. Сорочиха). Возможно, перед нами результат народной этимологии корня *-пак-* — (связанного с обозначением обратного движения, движения вспять), на фонетическом уровне перекликающегося со словом *покойник* (ср. «наобако льют — покойников моют» [ЛКТЭ]). Связь покойников с водой нашла также отражение в лексемах *покойник* и *поцелуй покойника ‘холодный чай’*: «Что ты мне

покойника принес?» (пос. Березник); «Чай у тебя — поцелуй покойника» (д. Яковлевская). С другой стороны, в этих лексемах ощущается традиционная связь идеи холода и смерти. В связи с этим интересно выражение *покойники печку топят ‘о скоплении светлячков’*: «Детишками любили светлячков искать, найдем где-то много, скажем, ну, покойники печку топят» (пос. Березник)⁶. Мотив печи заставляет вспомнить о еще одном зафиксированном в Виноградовском районе выражении, связанном с верованием о том, что печь может быть посредником между землей и небом, между теми, кто дома, и теми, кто далеко: «Петруня мой, приди домой!» — должна была кричать женщина в устье печи, чтобы ее муж вернулся домой с лесозаготовок.

Примечания

¹ Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 681—682.

² О соотношении дохристианской и христианской семантики греха см.: Толстая С.М. Грех в свете славянской мифологии // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2000. С. 9—44.

³ Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 386—390. О свойствах проточной воды см.: Виноградова Л.Н. Та вода, которая... (Признаки, определяющие магические свойства воды) // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 34—39.

⁴ Славянские древности. М., 1999. Т. 2. С. 627—631.

⁵ Якушкина Е.И. Оппозиция *прямой—крикой* и *прямой—обратный* и их культурные коннотации // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 168—169.

⁶ О хтонической природе светлячков и их связи с душами умерших см.: Гура А.В. Символика животных... С. 502.

Список сокращений

БСЖ — Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.

Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1—4.

ЛКТЭ — Лексическая картотека топонимической экспедиции Уральского госуниверситета.

СРГСУ — Словарь русских говоров среднего Урала. Свердловск, 1964—1988. Т. 1—7.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965—. Вып. 1—.

СРСГСП — Словарь русских старожильческих говоров среднего Прииртышья. Томск, 1992—1993. Т. 1—3.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964—1973. Т. 1—4.

**К.С. ВЕРХОТУРОВА,
К.В. ПЬЯНКОВА;** студентки 3-го курса
Уральского госуниверситета
(Екатеринбург)

